

АРТЕФАКТ

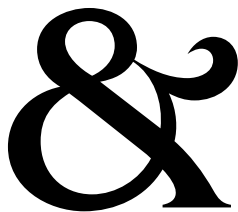

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой
Мудрая змея Матильды Кшесинской
Код Васнецова
Проклятый подарок Авроры
Клад манчжурской принцессы
Тайна Зинаиды Серебряковой
Тень черной жемчужины
Перстень Андрея Первозванного

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

**Перстень
Андрея
Первозванного**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Сергея Курбатова*
Оформление обложки *Натальи Кудри*

Ранее роман был издан под названием
«Убить, чтобы воскреснуть»

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Перстень Андрея Первозванного / Елена
Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. —
(Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-099670-4

В семье врача Кавалерова много лет хранилась семейная реликвия — старинный перстень с изображением первого проповедника христианства на Руси, Андрея Первозванного. Кольцо берегли и хранили как зеницу ока, пока в одночасье вся налаженная жизнь Кавалеровых не рухнула... Жизнь Альбины Богуславской сложно было назвать счастливой: переезд в ненавистную Москву, квартира нещадно эксплуатирующей ее тетки, нелюбимая работа. Но все стало еще хуже в день, когда тетку убили у нее на глазах, а сама она чудом избежала смерти. Теперь основная задача девушки — выяснить, кому и зачем понадобились их жизни и какую роль в этом играет недавно сбежавшая из больницы, где она работает, раненая пациентка с необычным старинным перстнем на пальце...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099670-4

© Арсеньева Е.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

В основу романа положены
реальные события.

Автор выражает глубокую признательность
хирургу Н.Г.П.,
работникам Нижегородской
областной прокуратуры,
а также дорогому африканскому другу
Алесану А. Сулайе
за помощь в работе над книгой.

Часть первая

АЛЬБИНА

Длинные белокурые пряди, разметавшиеся по полу, были первым, что увидел Гаврилов, когда загнал наконец прыгающий ключ в скважину и справился с замком.

В узком длинном коридоре горел свет. В другое время Гаврилов затосковал бы по поводу такого расточительства электроэнергии, но сейчас он видел только эти волосы на полу рядом с кухонной дверью.

Гаврилов шатнулся назад, невольно выпустив поводок. Задира Мейсон радостно кинулся вперед, огласив затаившуюся тишину хозяйственным лаем, обнюхал локоны неизвестной блондинки, вцепился в них зубами, рванул — и засеменял своими коротенькими ножками к хозяину, волоча за собой спутанные пряди.

Гаврилов обморочно зашарил холодеющими пальцами по стене, силясь за что-нибудь уцепиться. Сейчас Мейсон вытащит в коридор отрезанную, жутко окровавленную голову..

Пес твякнул, требуя внимания. Гаврилов повел помутившимся оком — и увидел у своих ног длинноволосый парик. «Тьфу ты, пропасть!»

Прохладная спасительная струя сквозняка коснулась лица. Дышать стало легче, и все-таки он не переставал ожидать каких-то пакостей...

Вот именно об этих пакостях, которые следует ожидать, и думал Гаврилов те несколько минут, пока на трясущихся ногах бежал по двору и трясущимися же руками пытался отпереть дверь. Мысленно он готовился к самому худшему. Скажем, что вся квартира окажется обчищена. Но, судя по

прихожей, где на вешалке, рядом с каким-то неведомым женским пуховиком, висит дорожный кожан Рогачева, вещи не тронуты.

Однако сейчас до Гаврилова постепенно доходило, что существует нечто худшее, чем ограбление, и это худшее может его подстергать.

Гаврилова просто-таки затрясло от мрачных предчувствий и от неистового желания оказаться сейчас дома, в тепле и уюте, перед телевизором, где шла бы очередная «классика советского кино»: тоже теплая, уютная и необременительная. Знать ничего не хотелось о разбитом стекле, так внезапно бросившемся Гаврилову в глаза. На беду, можно не сомневаться!

Хотя, с другой стороны, собаку-то все равно выводить надо было. У него уже вошло в привычку выгуливать Мейсона на этом пустыре между торцом панельной пятиэтажки и фасадом аналогичной девятиэтажки — правда, недостроенной. Никому и в голову не могло бы прийти, что Гаврилов здесь не только собачку пасет, но и Рогачева!

Привереде Мейсону этот пустырь жутко не нравился: здесь оставляли свои многозначительные следы доги, сенбернары и разные прочие овчарки — этикие собачьи авторитеты. А карлик Мейсон, смесь болонки с дворняжкой, хоть и знал свое место в собачьей иерархии, все-таки терпеть не мог, когда его в очередной раз тыкали носом в это самое: с дворняжким-то рылом в сенбернарский ряд!

В этом он вполне походил на своего хозяина, который место свое на свете вообще и в московском мегаполисе в частности знал отлично (Гаврилов служил во вневедомственной охране маслозавода и был первым кандидатом на сокращение), однако не выносил чужого превосходства. Именно эти качества — барственность и неприкрытое превосходство над всем остальным миром — и взбесили его в человеке, месяц назад пришедшем смотреть квартиру, которую сдавал Гаврилов. Фамилия нанимателя была Рогачев, однако Гаврилов, который накануне смотрел по телевизору старый-престарый, хотя и подкрашенный фильм «Идиот»,

счел, что незнакомца следовало бы назвать Парфеном Рогожиным и никак иначе. Рожа у него была этакая — *рогожная*, с багровыми пятнами на щеках и опасным, затаенно буйным взглядом. Если бы Гаврилов не родился на свет бес-таланным подкаблучником, он сразу дал бы Рогачеву-Рогожину от ворот поворот. Но... где черт не сладит, туда бабу пошлет: благоверная принялась незаметно тыкать в бок, щипать за ляжки — словом, всячески обозначать телодвижениями то, что она обычно выражала словами: «Ну чего цену ломишь? Сам знаешь, сейчас денег у народа — тьфу или чуть больше, ну кто тридцать тысяч отдаст за панельную хрущобу, да еще на первом этаже, да еще с видом на пустырь? Уже год никому ее втюхать не можем. Сбавляй, сбавляй цену-то, не то упустим хорошего человека!

— Тридцать? — спросил в эту минуту Рогачев, бегая разбойничьим взглядом от Гаврилова к его напрягшейся в улыбке супруге. — А торг уместен?

— Уместен, уместен! — так и завилась винтом Гаврилова половина, а сам он...

Господи, стоит только представить себе, что его жизнь обошлась бы без тревог сегодняшнего вечера, покажи он себя тогда настоящим мужчиной, — и плакать хочется!

— Уместен, отчего же? — буркнул Гаврилов — и с облегчением ощутил, как супруга разомкнула на его тощем бедре пальцы, уже готовые к новому щипку.

По лицу Рогачева даже подобия довольной улыбки не скользнуло! Выложил задаток (сошлись на половинной цене) — и по-хозяйски двинулся «занимать апартаменты», как он выразился. Гаврилов, окончательно придавленный словом «апартаменты», тащился в кильватере, поскуливая что-то насчет цветочков, которые надобно поливать два раза в неделю отстоянной водой; штор, которые хорошо бы задерживать, когда включаешь свет, чтобы всякая шпана не зарилась на обстановку; да еще чтобы чистота блюлась в квартире, как физическая, так и нравственная, — в том смысле, что соседи недовольны, что жилплощадь сдается, значит, жить будет абы кто; ну и, конечно, чтобы хозяин,

ежели он без предупреждения наведается проверить, как и что, не оказался в неловком положении, столкнувшись с какой-нибудь...

Рогачев стал столбом, так что Гаврилов на полном ходу врезался в его широкую спину.

— Соседи умоются! — бросил новый квартиросъемщик загадочную фразу. — А если тебя вдруг занесет без спросу...

Он не стал продолжать — только повел могучим кожаным плечом, но Гаврилов всегда славился тонкостью восприятия.

И ведь послушался он Рогачева! И ведь не заглядывал в собственную, от родителей доставшуюся квартиру ни единого разочку за весь этот месяц... до той поры, когда, выгуливая Мейсона, увидел вдруг зияющую трещину в окне на первом этаже — как раз напротив щели между неплотно задернутыми (а ведь просил же! А ведь нарочно же предупреждал!) шторами.

«Соседи умоются... соседи умоются...» — эти слова так и тикали в голове Гаврилова все те долгие минуты, пока он стоял в коридоре, напряженно глядя в стену, словно хотел проникнуть сквозь нее взором и разглядеть, что делается в комнате. Почему-то страшно было шаг шагнуть.

Ну а Мейсон, убедившись, что хозяина не интересует находка, оставил возню с париком и, брезгливо скалясь, засеменял по коридору. У входа в комнату он вдруг замер, потом сел на задние лапы, задрал бесформенную кудлатую голову — и протяжно завыл незнакомым толстым голосом.

Мурашки ринулись играть в пятнашки на спине Гаврилова, и он принужден был вновь схватиться за стену. Однако кое-как справился с противной слабостью и на подгибающихся ногах дотащился до комнаты.

Шикнул на Мейсона. Однако тот, как профессиональная плакальщица, просто не мог остановиться, не доведя дела до конца, и продолжал выть.

Гаврилов осторожно заглянул... и схватился за грудь, увидав два полуголых тела, распростертых на полу в луже крови.

Стиснул руками горло, подавляя попытку ужина вновь вырваться наружу. Со странной отчетливостью он различил у себя во рту вкус вчерашних разогретых, слишком жирных оладий, задубевших от соли прошлогодних огурцов и яичницы из трех яиц с непрожаренными кусочками сала. Все это было залито сверху кружкой чаю, вкус которого тоже чувствовался самостоятельно.

Гаврилова мутило, ему было плохо, однако он почему-то не мог отвести глаз от волосатой, кустистой спины мужчины, придавившего всей тяжестью коротко стриженную женщину с грубоватыми чертами лица.

«Ее парик!» — понял Гаврилов, и от этого на диво логичного умозаключения муть перед глазами слегка прояснилась. Он смог даже осознать, что женщину видит впервые... в отличие от мужчины. Да, Рогачев запомнился в авторитетном кожане, а не в этих цветастых трусах, но это был он, постоялец! А в следующий миг Гаврилов разглядел аккуратную дырочку пониже левой лопатки Рогачева — и понял, что оконное стекло было разбито не по рогачевской небрежности и даже не хулиганским камнем.

Оно было разбито выстрелом!

* * *

— Одной пулей, говорят, их и положили — вместе, разом, — торопливо бормотала тетя Галя, всовывая Альбиныны руки в рукава халата. — Да скорей же, ну чего копаешься! Этого-то, мужика, насмерть под лопатку, прямо в сердце, ну а бабу его — тьфу, пакость! — в правое плечо. Рана-то легкая, навывлет пуля прошла, кость не задета, но она башкой стукнулась, когда падала, — вот и отшибло память.

— Ее, значит, уже и допрашивали? Да тише ты, не дергай так! — Альбина вырвалась из бесцеремонных тетушкиных рук и, изогнувшись, сама завязала сзади халат. — И что она сказала?

— Допрашивали, а как же, — кивнула тетя Галя. — Опер тут с утра парился, ждал-ждал, не пил, не ел. Так

в нее и вцепился, лишь только доктор разрешил. А она глазоньки вылупила: знать ничего не знаю и ведать не ведаю, даже имени своего, не говоря уж о том, как оказалась с простреленным плечом под убитым мужиком!

— Что, серьезно? — Альбина так и замерла с руками, вздетыми над головой. Накрахмаленный чепчик повис в воздухе. — Так-таки ничего не сказала?

— Ни-ни! Следователь как только не изворачивался, чтобы ее пронять, да все впустую. Одни охи: не знаю, не помню, не имею представления. Там, в полиции, небось думали, что она в курсе, кто стрелял в этого, как его, а она-то... Конечно, сотрясение у нее легкое, я сама слышала, как доктор следователю говорил: мало шансов было мозги отшибить, а вот поди ж ты, проверь! Полицейский так и сказал: дескать, пользуясь этим легким сотрясением, она может имитировать какую угодно тяжелую амнезию. А мне кажется, здесь без обману. Ты сама услышишь, как она воет.

— Воет?.. — опасно оглянулась Альбина. — Как это? Плачет, что ли?

— Говорю тебе! — громким шепотом выкрикнула тетя Галя. — Волком воет! Лежит в темноте, в потолок пялится — и... Ну иди, иди уже! — прекратила она живописное описание, заметив неподдельный ужас, сверкнувший во взгляде племянницы. — Иди, а то я просто с ног валюсь, глаза закрываются.

Глаза у тети Гали между тем совершенно не намеревались закрываться, а были от возбуждения даже слегка вытарашены. И вообще, вид у нее был на диво бодрый и оживленный. Впрочем, это ничего не значило. Альбина отлично знала за своей тетушкой эту особенность: засыпать, едва коснувшись головой подушки. Можно было не сомневаться, что, стоит Альбине оказаться за дверью, тетя Галя щелкнет задвижкой, бухнется на топчан — и мгновенно обнимется с Морфеем, да так крепко, что у Альбины не будет никаких перспектив освободиться от ночной кабалы, самое малое, до шести утра. Тогда тетя Галя вприскачку прибежит на пост — посвежевшая, отдохнувшая,

взбодрившаяся, — а ее многострадальная племянница украдкой переоденется и, страшно зевая, потащится на троллейбусе сперва на Щелковскую, домой: выпить кофе и смыть под душем больничные запахи, а потом, уже на метро, на другой конец города, на Кутузовский — на работу. Совершенно непонятно, почему тетя Галя так уверена, будто Альбина сутками может обходиться без сна. Она жаворонок, у нее пониженное давление — наоборот, ей всякий недосып мучителен. Нет же. «Ты молодая! — вот и весь тетушкин сказ. — Я в твои годы, знаешь... о-го-го! Вообще не спала, ночи напролет с парнями гулеванила!»

Может быть, может быть. Хотя Альбина слабо представляла себе тетю Галю, которая бы «вообще не спала». Скорее, упустив свое ночью, она в полной мере вкушала сладкий дневной сон.

Дневной сон... О, как счастлива была Альбина, когда работала в отделе постельного белья! Тогда ей несколько раз удавалось днем вздремнуть на той роскошнейшей итальянской кровати, что выставлена в витрине универмага, размять на том великолепнейшем разноцветном белье итальянского же производства свои замлевшие косточки, облаченные в чудную, расписанную хвостатыми птицами фланелевую пижаму (made in аналогично). Теперь Альбине приходилось сидеть за огромным столом, уставленным несусветным количеством офисных прибабасов, и изображать прилежную секретаршу. Конечно, очень может быть, что у таковой должны быть забитые манеры и русский узелок на затылке, но кто сказал, что при этом лицо ее должно быть таким сонным и унылым? А лицо Альбины из-за тети Гали трижды в неделю было очень сонным и более чем унылым, так что она не без оснований опасалась, что боссы универмага уже ищут ей замену.

Ищут! Да таких замен в Москве — только свистни!

А тетушке ведь не возразишь. Сразу такое начнется... Ладно, лучше об этом не думать. Лучше верить в то, что вчера сказала Катюшка Калинина: «Если кого уволят, то явно не Богуславскую. У нее глаза до того лживые, что даже

правдивыми кажутся. А начальство любит тех, у кого светлые, прозрачные, правдивые глаза!»

Альбина с трудом подавила желание свернуть в ординаторскую, чтобы там посмотреть в зеркало: в самом ли деле у нее такие глаза, как сказала Катюшка?

Сейчас, впрочем, было не до физиогномистики. Надлежало как можно скорее оказаться рядом с пятой палатой, где лежала раненая женщина и где, собственно говоря, и было предписано находиться тете Гале (в данном случае Альбине) большую часть ее ночного дежурства.

Осторожно приоткрыла дверь и постояла, взглядываясь в темноту.

Кое-что все-таки можно было увидеть, даже не зажигая ночника: на улице полыхала могучая реклама банка. Вот интересно, подумала Альбина, говорят, будто этот банк рухнул, а реклама светит как ни в чем не бывало. Все равно как свет умерших звезд доходит, можно было бы сказать, перефразируя бывшего великого поэта. Или вот еще подходящая цитата: «Он умер, но дело его (реклама его) живет!»

Глаза постепенно привыкли к полумраку, и Альбина разглядела две кровати по стенкам узкой палаты. Около каждой громоздилось таинственно мерцающее шаткое сооружение: капельница. По информации тети Гали, обе эти капельницы были нужны как мертвому припарка. Больная слева лежала без сознания и могла отдать богу душу каждую минуту. Ну а справа находилась загадочная незнакомка. Ранение ее, строго говоря, относилось к разряду легких, сотрясение — тоже. Но все-таки жертва преступления, все-таки с амнезией... капельница была поставлена как бы для очистки врачебно-полицейской совести.

Ну, вперед!

Альбина осторожно вошла в палату и постояла над умирающей. Господи, сделай так, чтобы эта бедняжка не скончалась нынешней ночью! И опять мысли вернулись на привычный круг. Все-таки со стороны тети Гали жестоко подвергать племянницу таким испытаниям! Что из того, что Альбина живет в ее доме? Она платит тетке не меньше,

а то и больше, чем если бы снимала комнату у посторонних людей. Конечно, тетя Галя чуть что — сулит оставить квартиру племяннице... после своей смерти. Но ей едва-едва пятьдесят, а с таким несокрушимым здоровьем она еще о-го-го сколько проживет! Пусть живет, конечно... Вообще-то, это была тети-Галина идея, чтобы Альбина, приехавшая на завоевание Москвы, поселилась «у родного человека». Кстати, идея этого завоевания тоже не Альбине принадлежала, а тети-Галиной сестре, матушке Альбиной. Сама-то она предпочла бы остаться в любимом Нижнем Новгороде, ну а уж если в Москве, то поселиться в общежитии. Может быть, и прижилась бы там, и полюбила бы пединститут, куда поступила опять же по матушкиному настоянию и где отучилась, так и не поняв, зачем, собственно, время тратила? Все эти книги, которые изучали на филфаке, она и сама могла бы прочесть, в порядке личной инициативы, а идти работать в школу Альбина никогда не собиралась. Вот уже третий год перебивается случайными заработками, которые почти все уходят тете Гале. Можно, конечно, вернуться домой, в тихий, а по сравнению с Москвой — просто-таки безжизненный Нижний Новгород, но маманя ведь на мелкие полешки испилит неудачницу, которая так и не смогла закрепиться в столице, а главное — перетащить туда мать. Всю жизнь Алина Яковлевна мечтала поселиться в Москве. То, что мечту осуществить самостоятельно не удалось, как-то микшировалось, а вот Альбину за ее неудачливость матушка поедом будет есть! Нет уж, лучше оставаться при тете Гале. Она ворчлива, конечно, и не без вздорности, и скуповата порою до тоски, но против ее сестрицы — это просто шелест утреннего ветерка по сравнению с февральскими завихрюхами!

Альбина оглянулась на раненую. Вроде бы спит. Слава богу. Не слышно жуткого воя, которым грозила тетя Галя. Еще этого не хватало! И так боязно подойти к ней. Хорошо, если бы раненой ничего не понадобилось ночью: ни поильник, ни, наоборот, утка. Хорошо, если бы ночью вообще ничего никому не понадобилось!